

Ольга ЕГОШИНА

Окончание. Начало в №№ 8, 9 «ЭС»

Иудушка Головлев

Заканчиваем публикацию глав из книги «Иннокентий Смоктуновский: человекороль. Опыт изучения актерских тетрадей». Работа выполнена по гранту РГНФ. Автор благодарит сотрудников Отдела рукописей ГЦТМ имени А.А.Бахрушина за предоставленные материалы из архива И.М.Смоктуновского

На полях разговора о причинах приезда пометка:

Но нюх-то мне говорит, что что-то совсем другое — дурное, скверное, непотребное.

И следом признание Петеньки: «Я, папенька, казенные деньги проиграл». Комментарий:

Вот оно!

Нравственное, как безразличность. Оправдываются худшие прогнозы. Приехал шантажировать, чтобы покрыть свою нечистоплотность. Что же делать? «На дрянные дела у меня денег нет, нет и нет».

И тут неожиданный бунт сына: «Знаю, знаю. Много у вас на языке слов». Реакция Иудушки:

Ну и ну, — оскорблен. Испуг.

Но эта простая реакция немедленно переводится в идеологический «высокий» план, поднимается на принципиальную высоту:

Это не слова — это жизнь, принцип, молитва, Мышкин, Бог! Другого не будет.

Вопрос, таким образом, решительно переосмысливается и переносится в другую плоскость. Речь идет не о трех тысячах рублей казенных денег, которые проиграл сын, и которые Иудушке жаль за сына платить. Но речь идет о высоких принципах, основах мироустройства головлевского семейства, на которые бесцеремонно посягает сын. Однако интересны в этой фразе «символы веры», которые выписывает артист: «жизнь, принцип, молитва, Мышкин, Бог!». Наиболее интригующим в этом ряду, конечно, оказывается Мышкин. Не имея никакого отношения к щедринскому персонажу, Мышкин, безусловно, относится к важнейшим «символам веры» самого Смоктуновского. Роль-талисман, роль-стержень, центральное переживание творческой жизни, — возникает по той же логике, как ранее появилось 9-е мая. Слияние артиста с образом — процесс всякий раз индивидуальный, интимный, взгляду со стороны почти не открывающийся. «Я» в обращении к образу в тетрадке Иудушки появляется с первой же страницы. И ни в одной роли до того не встречалось такого количества пометок с индивидуальными образами самого артиста, которые он отдавал своему герою.

В статье о «Господах Головлевых» близко знавший Смоктуновского критик и заведующий литературной частью МХАТа, Анатолий Смерянский напишет об Иудушке: «будучи много лет свидетелем и «объектом» речевой манеры Смоктуновского, могу предположить, что в Головлеве, как, вероятно, во всяком великом и бесстрашном актере создании он прояснял и свою собственную природу». Анализ записей актерских тетрадок это предположение подтверждает: близость с образом, возникшая буквально с самого начала репетиций, позволяла артисту гораздо шире, чем в остальных случаях, «делиться» со своим персонажем собственным душевным багажом. Так, выписывая реакцию Иудушки на поведение сына:

Он даже погибнуть не может достойно, душевная гниль...

Смоктуновский приводит пример из опыта личных фобий:

Козинцев: мелкость и лживость.

Получивший отказ, сын переходит к болезненной теме сыноубийства: «То Бог взял, а вы сами у себя отнимаете. Володя». На ответ Иудушки «Ну, ты, кажется, пошлости начинаешь говорить». Комментарий:

Прав-прав. Хорошенького понем-

ножку.

На предложение «А теперь пойдём и будем чай пить. Посидим да поговорим, потом поедим, выпьем на прощанье, и с Богом» пометка:

Раз и навсегда.

На прямые обвинения сына реакция:

Да, да, я прав, когда дело доходит до безысходности, начинают клеветать.

Значит, если бы я дал денег, ты бы думал так, но не говорил бы. А вот теперь говоришь.

Тяжело — очень тяжело.

На крик «Убийца!» заметка: Вот и сподобился от любимого сына.

И стратегия, как себя держать при этом нападении:

Сдержанно: надо дать ему сгореть, вводя в плотные слои атмосферы.

Пример сдержанности приводит-

Артист выписывает на полях абсолютно иной вариант поведения:

Избиение младенца.

Доказывать не свою правоту, а его вину.

И тут же впервые написано, как создать ощущение появления тени убитого сына, убитого брата?

Оценки, оценки. Взгляд в партнёра — это, может быть, и будет фантом.

С ним сражаются, он входит в бойцовский раж:

Вижу, что все против меня, и от этого еще больше распаляется.

Обвиняя меня в самоубийстве сына, вы забываете главное:

Они все сами не понимают, что человек сам несет за себя ответственность — сам.

Я на чужую волю не посягаю — это безнравственно.

И неожиданная аналогия борьбы

вождеделение выражается в грубых, резких формах — насилия, а не нежности. Но тем не менее это беспокоящая тяга порождает какие-то непривычные оттенки настроения — ощущение близости к другому человеку, связи с ним:

Соединены общей потерей близких людей

Он уже зависим от ее мнения, от ее взгляда, от ее оценки:

Евпраксия (и это она осудит).

И тем большее, что и она ведет себя, как враг, как чужая.

На реплику Анниньки «Дядя, отчего вы в гусары не пошли?» пометка:

Издаваться? Давай посмотрим, кто кого???

Впервые за долгое время он видит рядом с собой человека, от него независимого, в нем не нуждающегося. И это возбуждает интерес, притягивает к ней, но рождает и злобу:

Уж очень независима, очень.

От азарта ее подчинить, радость.

Если бы она вела себя по-другому, то, может быть, азарта бы не было бы.

Отношения с Аннинькой вносят в его жизнь азарт борьбы, который давно не испытывал. И сексуальная тяга носит еще и завоевательный характер. Овладеть — значит подчинить себе, своей воле.

Не только постель, не только секс, но сломать...

И ее сопротивление только разжигает эту жажду. На вопрос Анниньки «Как же вам, дядя, жить не страшно?» Смоктуновский выписывает внутренний, непроизнесенный ответ:

А страшно, так встану на колени, помолюсь, и страх как рукой снимет.

«Постепенно, шаг за шагом, за шуточками, за родственными обаяниями, по Смоктуновскому идет:

Накапливание материала для атаки.

«Подавление» противника рисуется в картинках сексуальных сцен. Доступность для других при недоступности для него самого мучительна. Щедрин, описывая гадливость, овладевшую Аннинькой при приближении к ней дяди, уточнил: «К счастью для нее, Иудушка был малый небрежливый, и хотя, быть может, замечал ее нетерпеливые движения, но помалчивал. Очевидно, он придерживался той теории взаимных отношений полов, которая выражается пословицей: люби, не люби, да почаще взглядывай». Во внутренние чувства своего героя по этому поводу Щедрин углубляться не стал. Смоктуновский же единственное любовное переживание своего героя расписывает достаточно подробно. Тут и провоцирующая воображение свободная профессия — опереточная актриса — Аннинька:

А ведь ее-то там целуют и многие.

Тут и трезвая оценка ее отношения к себе:

Неприятен я тебе, вижу это.

Сексуальная агрессия становится выражением общего стремления Иудушки — подавить, поставить на место, подчинить всех вокруг. И то, что «объект» вызывает какие-то непривычные чувства, только усиливает ярость.

Ах ты, сука, шлюха, — надо по-

ставить ее на место — положить

Любовному акту возвращается его изначальная «борцовская» символика: положить противника на обе лопатки. Артист о потенциальности борьбы своего героя:

У него есть интенсивное умение выполнять свою задачу.

Силён

Любовные отношения строятся по привычной схеме, по которой обычно складываются его отношения с людьми — обида от окружающих, за которую надо мстить. Его не понимают, неверно оценивают, высмеивают, издеваются. Все общение с племянницей, ее стремление уехать, вырваться, хотя бы в ближайший город, их вязкие диалоги по этому поводу:

— «В город, что ли, мне надобно ехать?» — спрашивает Аннинька

— «И в город поедим и похлопочем» — отвечает Иудушка.

Но под мирным разговором вулканическое кипение страстей, вот-вот выплеснутся наружу:

Недооценка дяди!

Урок, выволочка, обида продолжается. Это именно тот момент, в которые он необыкновенно силён.

Очень важно, что все его обижают

Когда ему надобно — все виноваты

Все плохи — я хороший... И меня же еще и обижают.

Артист выделял как главную черту Иудушки — потребительский инфантилизм, — ощущение, что ты выше всех, а тебя не понимают, унижают, мучают люди, которые тебя недостойны. Логика Иудушки, по Смоктуновскому, проста:

Мне никогда ничего во всю жизнь не дали, так почему же я должен?

Обделенность с самого раннего детства (еще одна параллель с Ричардом) рождает характер фантастический, изломанный, патологический в его стремлении постоянно доказывать свою полноценность, унижая окружающих, ставя их в зависимость от себя:

Механизм логики. Все это зависит ведь от меня — от хозяина здешних мест.

И каждое сравнение только подтверждает собственное превосходство:

Ну вот, давай посмотрим, кто же из нас сукин сын??? А???

И еще раз возвращался к оружию, которым Иудушка сражается с окружающими людьми, — словам. И не только к самим словам. Но и самой манере говорения:

Его ритмы — попытка для всех.

К сцене, где Иудушка делает решительный ход, объявляя свою похоть волею Бога («И Боженька мне сказал: возьми Анниньку за полную талицу и прижми ее к своему сердцу») пометка артиста:

Боже мой, Боже мой, какая безнравственность.

И далее комментарий к отказу Анниньки, идущий словно уже не от лица героя, но от самого артиста:

Вырвалась, ну, и давай.

Редкая у Смоктуновского оценка героя со стороны, оценка его поведения и поступков, которые он только что пытался понять, оправдать и прожить изнутри:

Жестокость, жестокость, еще

ся неожиданный:

Нас и не так еще называли — в зарубежной прессе, знаете, что писали... Такое!!!

В конце концов, потерпеть надо недолго:

Ты сегодня, милый мой, уезжаешь.

И даже на брошенное уже не в спину, а в лицо «Иудушка»

— вытерпим и это. Ни в коем случае не защищается.

Кульминационный разговор с сыном расписан по репликам:

«Я в церковь пойду, попрошу панихиду по убиенному рабе Божию Владимире отслужить».

— По самоубийце то есть...

— Нет, по убиенном» Шантаж.

Ага, понятно, это совсем не сложно понять.

— «Кто ж его убил? Смотрите-ка, он сильный и это надо пресечь в зародыше».

— Вы! Ну, я с тобой сейчас расправлюсь.

— Я?! Ну, я сейчас тебе сделаю бяку.

— Вы! Вы! Вы!»

Страшная внутренняя человеческая мимика. Правота. Правота.

Романный Иудушка говорит с сыном «дрожа от волнения», «не может в себя прийти от изумления».

и победы:

Наилучший способ победить идейного, научного противника — пережить его.

Переживший своих врагов, Иудушка расправляется с противником легко, многословно, не смущаясь:

Негде вставить иголку в его лоху.

Но тут в минуту его безусловной победы, рыданий полностью потерявшего над собой контроль Петеньки, вдруг очнется от старческой летаргии до того безмолвная свидетельница маменька Анна Петровна, и из ее груди вырвется вопль: «Прро-кли-ннаааю!»

Но как романский Иудушка «вынес материнское проклятие довольно спокойно», так и артист оставил сцену без комментариев. Отметим только редкое для себя техническое задание:

После маменькиного «прокли-наю» взять дыхание на огромный кусок.

Сцену с племянницей Аннинькой, приехавшей после смерти Арины Петровны, Смоктуновский открывает привычным ключом поединка:

Ну, ты что же, ревизовать меня приехала... Давай повоюем.

Но тут вмешивается еще один, ранее отсутствующий компонент: его по-мужски тянет к Анниньке. И это

Журан и сценарий

раз жестокость.

Щедрин жесток, значит, это не наше изобретение. Она (жестокость) была уже тогда.

Достоевский – это сгустки, но сгустки высот духа и духовности

Щедрин – это компания, лишенная каких-либо духовных качеств и связей.

Любопытно, что в редкие моменты отступлений несколько раз возникает “Достоевский”, как антипод Салтыкова-Щедрина, возникает Мышкин, видимо, сопоставляемый с Иудушкой. Две крупнейшие роли, два наиболее значительных актерских образа, созданных Иннокентием Смоктуновским, оказываются странно связаны между собой. Почти не расписанная роль Мышкина, в которой актер еще только нащупывал свой способ работы, и устрашающе подробная, виртуозно разложенная партитура роли Иудушки. Фигура Князя Христа и фигура “русского Иуды”. Образ, где чернота едва угадывалась за пластами почти нечеловеческой доброты и понимания, – и создание, где огонек живой души почти неразличим за душевным шлаком небокопительской жизни. И эти, казалось бы, абсолютно полярные фигуры оказываются странно сближенными в алхимической лаборатории артиста. Постоянно присутствующий в подосновании, Мышкин дает точку отсчета, но и бросает свой отблеск на Порфирия Головлева, давая ему дополнительное измерение.

И принцип актера в этой работе: Все его привычки поведения, которые вызвали прозвище Иудушки, кровопийцы и так далее – нужно объяснить жизнью человека. Такой человек!

Ни на мгновение не может усомниться в негативности хотя бы одного какого-нибудь своего поступка. В результате: Апостол безнравственности.

Знает ... ненависть и постель (похоть).

Не знает сомнений, рефлексии, двусмыслия

Ну, вот теперь-то можно и добить, доуничтожить

1 – относительность всего ко всему и между собой

2 – причина – Бог и мы его проводники

3. – Бог наталкивает на то, что не все так просто и легко

Но этот Апостол безнравственности живет с чувством, что его подстерегает:

Постоянная опасность.

И думает поэтому:

Не как защититься, а как напасть.

Поэтому каждое событие, грозящее изменениями его налаженному быту, воспринимает как нападение и угрозу. Сообщение о рождении его сына от Евпраксии – Владимира комментируется артистом так:

Полон идеологии того, что ему удобно и приятно.

И поэтому рождение ребенка – Володьки, – величайшая подлость, и все они поэтому безнравственные люди.

Ребенка придумали, а теперь еще используют его, сволочи.

В потоке всполохов самых разных мыслей, ни одной вырывающейся из замкнутого круга: ребенок – попытка поймать меня в капкан. Ни одного проблеска отцовской гордости, отцовского чувства, знакомого и зверю. Только боязнь за себя, за свой образ мира, за привычную рутину заведенного порядка, который младенец нарушает самым бесцеремонным образом.

Дети – это ловушка.

Я знаю – они решили использовать случай...

Не нужно отбояриваться.

Она – Улита, – виновата. Требовать от нее ответа. Признать, это заговор.

Светло и уверенно смотрю на Улиту.

И рядом дает комментарий уже не с точки зрения Иудушки, а со стороны:

Рождение Володьки нарушает ход всей его жизни. Ход связей. Он рвется в абсолютную свободу, не заметив, как вырвался в пустоту.

Жлоб с отмороженными глазами. Только я, только мне, и только.

Вообще, в работе над этой ролью постоянный прием Смоктуновского – оценка людей событий с разных точек зрения: “изнутри” персонажа и со стороны. Причем дальность дистанции “со стороны” также бесконечно варьируется. Любопытно, что и для Додина ключом к работе над “Головлевскими” стала возможность “смены точки зрения”: “... на репетициях “Господ Головлевых” было очень трудно с первым актом, мучительно трудно. Я начал бродить по залу, сел где-то на последнем ряду, сбоку, то есть сменил точку зрения... Я ушел с этого проклятого режиссерского места, где всегда одна точка зрения, буквально одна точка зрения, физически, но она и психологически часто одна»...

Первый раз в выяснениях по поводу новорожденного сына Иудушка борется с кем-то, кто сражается заведомо не может, борется скорее со знаком (младенец на сцене не появляется), чем с реальным существом. И сам не замечая, что, обрывая одну за одной все человеческие привязанности, он теряет связь с жизнью вокруг: как если представить себе сумасшедшую марионетку, обрывающую одну за одной нити с рук, ног, головы, а потом бесформенной кучей оседающую на сцене, лишенную поддержки.

Когда умирает дух – рождается хитрость.

Рождение Володьки выбило из привычного русла жизни, и выбило основательно.

Смоктуновский вводит еще один мотив недовольства рождением сына: тут Аннинька и какие-то новые возможности, а какие-то вредоносные силы подстроили этого ребенка:

Они все умеют испортить, даже теперь, когда...

Ради чего меня стоило бы прерывать...

Привыкший к каверзам окружающих, Иудушка готов и эту встретить достойно и во всеоружии:

Вот вы сейчас все ждете ль меня пошлости – ан, нет, не будет ее.

Улита, поп – они ловят, они торжествуют, а повода к этому нет.

Нужно доказывать их неправоту, а не свою правоту.

Он всегда прав, потому что очень хорошо видит всегда, в чем неправы все вокруг.

И Смоктуновский рядом с задачей Иудушки (нужно доказывать их неправоту, а не свою правоту) выписывает актерскую задачу себе:

– Не прятаться от партнера.

Когда Улита пытается показать ему сына комментарий к реплике

«Боюсь я их... не люблю...ступай!» – дать дозреть гадливости.

Крошечное живое родное существо вызывает брезгливое отторжение, физиологическую неприязнь:

Провокация.

И непосредственные виновники этой провокации – Улита и поп:

Их мелкость, их вредоносность, полное непонимание ими бытия.

Почему такой шум, что он ро-

дился – этим шумом они что-то хотят доказать.

Пришедший батюшка заходит к отцу новорожденного с поздравлением: “Поздравляю сына своего духовного с новорожденным Владимиром”, и Смоктуновский выписывает взрыв чувств и эмоций, которые рождает в его герое это поздравление:

Вот вы, батюшка, сейчас вошли и сказали огромную бестактность: поздравить меня с моим (???) сыном, а он мой???

А что ты радуешься?

Иудушка встречает священника:

Глаза в глаза

И начинает с ним беседу, цель которой – дать попу наглядный урок поведения, чтобы понял, с кем имеет дело, и не пытался своими бестактными поздравлениями на что-то намекать:

Урок как нужно истолковывать, вести себя и мудрствует лишь от отсутствия ума.

Огромный и жестокий урок, батюшка. Унизить попу – не разлейся, не поздравляй с тем, чего не знаешь.

Иудушка начинает длинный монолог, вовлекая священника в абстрактные выси.

Теологический диспут – помечает Смоктуновский.

Глядя глаза в глаза собеседнику, произносит чудовищный по лицемерию текст: “Ежели я, по милости Божьей, вдовец, то, стало быть, должен вдовец честно, и ложе свое нескверно содержать”. Пометка:

Вот так, сволочь ты такая.

Открытия одно за другим.

Конфликт обостряется.

Но реакция попа, растерявшегося окончательно, вызывает подозрение:

У него есть секрет – он что-то знает. На его стороне жуткая правда есть.

И комментарий уже не с точки зрения Иудушки, а со стороны, оценка ситуации самим Смоктуновским:

Привычкой жизни стало уничтожать. Никого не осталось уничтожать. Умертвия. Диалог с ними.

И далее единственный в его тетрадак отзвук о публике:

О, публика далеко не дура, далеко. Она заказывает музыку, во всяком случае, наша публика.

В диалоге с Улитой он уже более уверен в себе, чем со священником, поскольку презирает собеседника, не боится его и чувствует себя неуязвимым. Комментарий:

Ты – Улита, циник и пошлячка. Язва ты, язва, дьявол в тебе сидит... Черт, тыфу, тыфу, ну, будет.

На диалог: “Воспитательный-то знаешь?” Улита: “Важивала” – пометка:

А важивала так тебя и книги в руки

И отступление-оценка актера:

Делает бессмысленные вещи, не дозревая об их гадости и безнравственности

Он талантлив жизненной энергией. Прекрасный животный экземпляр. Все эти его слова – это объяснение Богу, почему все это должно быть удобно ему.

Но тут великолепно налаженная машина его жизни дает сбой:

Аннинька уезжать собралась.

Реакция:

Только не отпустить

Его уговоры: “Вот ты на меня сердись! И посердись, ежели тебе так хочется! И ты не все молода будешь, и в тебе когда-нибудь опыту прибавится – вот тогда ты и скажешь: а дядя-то, пожалуй, прав был! Теперь, может быть, ты слушаешь меня и думаешь: бяка дядя! А поживешь с мое, – другое запо-

ешь, скажешь: пай дядя! Добру ме-

ня учил!” сопровождаются коммен-

тарием:

Большая сцена по задержанию Анниньки

Оставляя, оставляя, предостерегать ее.

И оценка артиста:

Приход к Анниньке – идейный, правый, отсюда и его бред – правота во всем, вне всякой хитрости.

Отсутствие хитрости.

Смоктуновский подчеркивает, что в этой сцене Иудушка абсолютно не лукавит, искренне считая, что уговаривает Анниньку для ее же блага.

Знание людей и чувствование их – феноменальное.

Сумасшедший в своей правоте очень-очень серьезен

Он “знает”, какая судьба ждет Анниньку, когда она станет актрисой на ярмарках (и окажется в своем предвидении прав). И на полях подтекст его уговоров:

Ничего ты не поняла, голуба. Так вот я тебе предрекаю: болезнь, нищету, смерть.

Но Аннинька вырывается и ее последние слова: “Страшно с вами! Трогай!”

Пометка на полях:

Выработать привычку говорить с собой, потом с Богом, потом с умертвиями, потом Бог знает с кем и с чем.

Уезжает женщина, которая ему нравится, единственная, с которой он ощущает какую-то близость, уезжает его последний собеседник. Вокруг остаются только слушатели. Первый и главный слушатель – Евпраксия.

Смоктуновский расписывает чувства, которые держат его героя рядом с этой женщиной, что она для него значит. Находит неожиданное сравнение разглагольствований Иудушки перед Евпраксией:

Олимпиец. Гурман мысли

Гете и Эккерман. Он говорит, а тот записывает его мысли

Подлинная ценность – она молчит и ее много.

Тупость ее – ценность ее. Да, у нас все первый сорт, и она меня ценит.

И ее молчание и преданность особенно много значат после предательства и отъезда Анниньки:

У него есть еще с кем бороться – Аннинька

Первое поражение за всю жизнь: “страшно со мной!”

Выморочный, свободный – страшно с вами. Ан нет, она не права, нет, не права.

Но тут жизнь наносит очередной удар: тихая Евпраксия взбунтовалась, выясняет отношения, хочет знать о своем ребенке, и Иудушка в первый раз в жизни не знает, как справиться с этой напастью. Артист комментирует сцену разговора с Евпраксией:

Он давно не живет по законам предлагаемых обстоятельств

Проявляет благородство

Но тут Аннинькины, больно ударившие слова, повторяет уже Евпраксеюшка: “Страшно с вами, страшно и есть”.

Евпраксия – главная обида и исток рефлексии.

Истинная боль

Хватит этих недомолвок, давай решим раз и навсегда

И тут окончательно теряется граница между реальностью и бредом:

В финале: безумие этой ... полной крови и энергии жизни

Аннинька

Бред об Анниньке

Комплекс более-всеских

Большая высшая правота и вместе с тем и горе (с офицерами ездить не страшно). “Не ко мне, что племяннушка у меня шлюха!”

Собеседниками Иудушки стано-

вятся мертвецы, и в первый раз, по Смоктуновскому Иудушка получает возможность:

Посчитаться с ними за всю неправду, которую они творили со мной.

Все эти упреки всем умалчивал всю жизнь.

Разоблачение.

Всю жизнь терпел, но теперь дорвался до правды. Маме – счет за тетю (Горюшкино (село тетины Варвары Михайловны)).

Вот ты там не полностью при- зналась.

Всем предъявлю счет от имени истины-правды

Папеньке,

Братьям!

В три года так меня кликал (Иудушкой! Кровопийцей!) Балбес – другого слова не найти.

Он разбирается со всеми притеснителями, которые отравляют его жизнь: живыми и мертвыми.

Хамово отродье! За моей спиной да меня же судачите, – не понимаете, подлецы, моей милости.

На полях разговора с приказчиком помечает:

Все врут, обо всем врут

Я не сержусь на вас

Я только по справедливости, по правоте.

И дальше разговор переходит совсем в надзвездные выси, где летит охваченная гордыней душа.

Улечу я от Вас, – улечу.

Вы думаете, Бог далеко, так он не видит

Ан Бог-то, вот он! Бог везде. Разом всех вас в прах обратит.

Начинается процесс умирания:

Умертвия, смех – преддверие исхода – забрезжило.

Аннинька большая вернулась.

Начало запоя.

Именно Аннинька становится голосом нестатки проснувшейся совести: “всю жизнь жили потихоньку да полегоньку, не торопясь да Богу молясь. А именно из-за этого выходили все тяжкие увечья и умертвия”.

На полях:

Наивно и просто. Да как ты смеешь?

Именно ты

Поцечина.

Но голос, раз услышанный, уже ничем не заглушить. И Смоктуновский пишет на полях финальной сцены тот Иудушкин исход, который в спектакле сыгран не был. В спектакле хором умерших окружал Иудушку и втягивал в свой круговорот. Смоктуновский приближал смерть своего героя к авторскому варианту: финального прозрения, прихода к Богу.

Сознание убийства своих.

Доосознал нечто, что-то (то есть все-все) – умер.

Исход – итог. Наконец, сам услышал смысл того, что всю жизнь проповедовал с ложной позиции и от чьего имени он говорил.

Божественное прозрение, откровение.

Потому что ничего этого не понимал, а просто болтал о Боге.

“Всех простил, не только тех, которые тогда напоили его оцом и желчью, но и тех, которые и после, вот теперь и впредь, во веки веков будут подносить к его губам оцет, смешанный с желчью”.

И финальная фраза, подводящая жизненный итог:

Лгал, пустословил, притеснял... – зачем?

• Сцена из спектакля “Господа Головлевы”